

В 1 стк. ясно читается имя [Στέ]φανος и начало патронима, скорее всего, Ἀλε [ξίδ-
ρου]. Имя Стефан встречается среди имен ольвийских стратегов (IOSPE, I², 83(9)) и в ка-
честве патронима (IOSPE, I², 95 (6)). Оба упомянутых памятника по палеографическим
признакам относятся к началу н. э. Это же имя встречается и на эпиграфических па-
мятниках Таврического Херсонеса. Имя Александр читается на двух памятниках из
Ольвии (IOSPE, I², 129, 6 патроним, римское время, № 178, 2, конец IV в. до н. э.),
а также на других памятниках Северного Причерноморья.

Во 2 стк. наиболее интересным является указание на благополучное окончание
морского путешествия, если мы правильно понимаем причастие πλεύσας. После
этого причастия читаются три буквы ΤΟΕ. Мы предлагаем восстановить τὸ ἔ[τος],
т. е. «в году», усматривая здесь указание на дату плавания. Само собой разумеется,
что мы не считаем такое восстановление единственно возможным в данном тексте.
К сожалению, из опубликованных ольвийских надписей нам ничего неизвестно об оль-
вийском летоисчислении, о существовании какой-либо ольвийской эры или архон-
тов-эпонимов.

Так как пробел между предполагаемым τὸ ἔτος и буквосочетанием ΜΑ в 3 стк.
должен считаться довольно значительным, то едва ли можно признать названное букво-
сочетание за буквенное выражение числа 41. В таком случае можно предположить,
что в 3 стк. перед Ἐπὶ ἡρώδῳ находилось слово [ἀνάθη]μα¹⁴.

Поскольку после Ἐπὶ ἡρώδῳ читается союз καὶ, в первоначальном тексте, очевидно,
речь шла о каком-то божете, кроме «Благосклонно внемлющего». Определить его
имя не представляется возможным. Нет у нас также данных для определения того,
идет ли речь о плавании ольвиополита или иностранца.

Палеографические данные говорят в пользу того, что надпись № 72 старше над-
писи № 74. Эта последняя может быть датирована II в. до н. э.¹⁵

В надписи Стефана, сына Александра, примечательной оказывается связь между
благополучным окончанием плавания и благодарственным посвящением Благосклонно
внемлющему. Если в надписи № 72 под Благосклонно внемлющим Героем подразуме-
вался, скорее всего, Асклепий или какое-то функционально близкое ему местное бо-
жество, то в надписи № 74 могло иметься в виду еще какое-то другое божество с тем же
эпитетом «Благосклонно внемлющий». Если подразумевалось божество мужского ро-
да и дедикатором был ольвиополит, то естественно вспомнить об Ахилле Понтар-
хе¹⁶.

Если мраморный фрагмент с посвящением «Благосклонно внемлющему» и еще
кому-то служил постаментом, то на нем могла поместиться, вероятно, одна бронзо-
вая статуя. Кого она изображала, если не Благосклонно внемлющего, мы не
знаем.

Среди эпитетов Асклепия один из наиболее распространенных — Σωτήρ «Спаси-
тель» — как будто намекает на возможность обращения к этому божееству с просьбой
о помощи на море¹⁷. Эпитеты ἐπιφανής и ἐπιφανέστατος в смысле «приходящий на по-
мощь» были синонимичны эпитету ἐπὶ ἡρώδῳ¹⁸.

¹⁴ Мы предполагаем здесь форму ἀνάθημα, чаще употреблявшуюся в смысле «бла-
годарственное приношение», чем ἀνάθημα, имевшую еще и определенное отрицательное
значение (ср. анафема).

¹⁵ Ср. К и п о в и ч, Греческое лапидарное письмо..., табл. X, стб. 4.

¹⁶ Мимоходом отметим, что понтархами назывались, например, в Западном При-
черноморье античной эпохи какие-то магистраты, см. St o i a n, Tomitana, стр. 159
(II): «в правление II. Флавия Феодора дважды бывшего понтархом».

¹⁷ R o s c h e r, Ausführliches Lexikon..., стр. 627; покровителями плавающих
по морю были в первую очередь Диоскуры, ср. С т р а б о н, XVII, 1 — надпись на
знаменитом Александрийском маяке: «Сострат книдзянин сын Дексифана Богом Спаси-
телям за плавающих по морю».

¹⁸ В словаре Liddell and Scott, A Greek-English Lexicon, стр. 670, левый столбец
вверху со ссылкой на Диодора Сицилийского, I, 17.

«Благосклонно внимающий» в надписи № 74 несомненно является эллиптическим употреблением определения без определяемого. Первоначально определяемым, конечно, должно было являться собственное имя божества, но оно в результате ритуального запрета (табу), очевидно, заменялось перифрастическим выражением «Благосклонно внимающий Герой», превратившимся в эпikleзу и начавшим в ней самостоятельное бытие.

А. А. Белецкий

THE «KINDLY HEEDING HERO» IN OLBIA

by A. A. Beletsky

The article deals with two epigraphical monuments from Olbia (*Nadpisi Olvii*, Leningrad, 1938). The first one (No. 72) is a dedication by five Olbian citizens, former *sitones*, to the Kindly Heeding Hero, accompanied by a representation in relief of these citizens offering sacrifice on an altar before a bearded man reclining upon a couch. Near the bearded man are a seated woman and a standing boy, a cup-bearer. The relief combines two different traditional representational types: the votive of dedicatory relief and the sepulchral relief depicting a funeral feast or feast in the other world (*epulum funebre vel epulum fortunatorium*). The man depicted in the right-hand part of the relief is evidently the Kindly Heeding Hero (he seems most like Asklepios).

The second monument, a fragment from the base of a bronze statue, bears a dedicatory inscription to a Kindly Heeding divinity by a certain Stephanos, son of Alexander, who had accomplished a successful sea voyage. In this case the Kindly Heeding one may be another divinity of the same class as the one honoured by the first monument. Both monuments are dated paleographically in the third century B. C. They may be regarded as direct evidence of the existence of the cult of kindly heeding heroes, a cult well known from monuments of the West Black Sea coast in antiquity.

ТРОН МИТРИДАТА I ИЗ ПАРФЯНСКОЙ НИСЫ

Археологические исследования, осуществлявшиеся на протяжении многих лет Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедицией на городище Койне-Нусой — Старая Ниса, сохранившем в своем наименовании отголосок древнего названия парфянской Нисы, принесли немало открытий. Здесь в пределах мощных крепостных стен располагался комплекс дворцово-храмовых сооружений, служебных построек, хранилищ, заложенных в основном во II в. до н. э., но функционировавших в течение нескольких столетий. В числе находок — огромный архив парфянских остраков (на одном из которых, между прочим, учеными расшифровано древнее наименование Старой Нисы — Митридатокерт), а также остатки мраморных статуй, деталей мелкой металлической скульптуры, изделий из слоновой кости.

Среди последних оказались остатки более чем полусотни богато оформленных пластической резьбой крупных ритонов, имевших не столько бытовое, сколько ритуальное назначение¹. Они обнаружены в одном из помещений так называемого Квадратного дома — главного хранилища посвященных реликвий, связанного с династическим культом старших Аршакидов и жестоко разграбленного с концом ди-

¹ М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова, Парфянские ритоны Нисы. Текст, «Труды ЮТАКЭ», т. IV, Ашхабад, 1959; Альбом, М. — Ашхабад, 1956—1959

насти. Ритоны лежали навалом на суфе (род невысокой кирпичной полки, тянувшейся вдоль стены), вперемешку с какими-то фигурными, выточенными тоже из слоновой кости деталями², о которых сразу же было предположено, что это детали парадной мебели, в числе которых, вероятно, остатки царского трона³. Ко времени заброса хранилища слоновая кость частично уже разрушилась и потому с ритонами грабители содрали лишь металлические обкладки да глазки-инкрустации из самоцветов. Мебель пострадала больше — и потому, что ее деревянные части давно истлели, и потому, что входившие в ее оформление скрепы, обкладки и украшения из драгоценных металлов или дорогих сплавов были грабителями сорваны, распавшиеся же на куски костяные элементы кинуты в беспорядке в общую с ритонами кучу. Пасса многовекового пребывания в земле слоновая кость совсем расслоилась, а во многих участках осыпалась. Однако в лабораторных условиях, после глубокой пропитки клеем БФ-4, оказалось возможным по сохранившимся участкам реставрировать большинство деталей до полной формы профиля, с дописовкой недостающих частей.

Основным материалом мебели, как уже указано, служила слоновая кость. Размеры бивней и их резкое утонение на конце неизбежно ограничивали определенными пределами длину точеных деталей, тем более, что все они имеют прямую центральную ось, не совпадающую с естественным выгибом слоньего клыка. В силу этого косторезы то наращивали отдельные участки целыми звеньями, то дополняли форму небольшими фигурными накладками.

Почти все детали имели сложную профилировку, поверхность их была тщательно отполирована. Некоторые объекты — явно парные, однако при нанесении на чертеж выявились почти неощутимые в натуре глазом отличия в начертании кривых, небольшая разница диаметров и пр. (например, № 15 и 50; верхняя половина — № 42 и 75). Работа велась древними мастерами вручную, с некоторым нарушением корректирующих лекальных форм. Одни элементы выполнены из сплошных кусков, в других — для скрепления с деревянными частями или же между собой — выточены шипы и сквозные поперечные гнезда. Многие имеют потайные осевые пазы, глубоко уходящие внутрь; в некоторых из них обнаружены остатки распадающихся от ржавчины железных стержней. Эти штыри служили не только для скрепления, но и для придания большой прочности несущим костяным деталям, например, ножкам мебели.

Число обнаруженных фрагментов достигает 33. Описание всех деталей по отдельности опускаем — их формы и размеры ясны из прилагаемых чертежей и фотографий. Типологически же они могут быть разбиты на две группы.

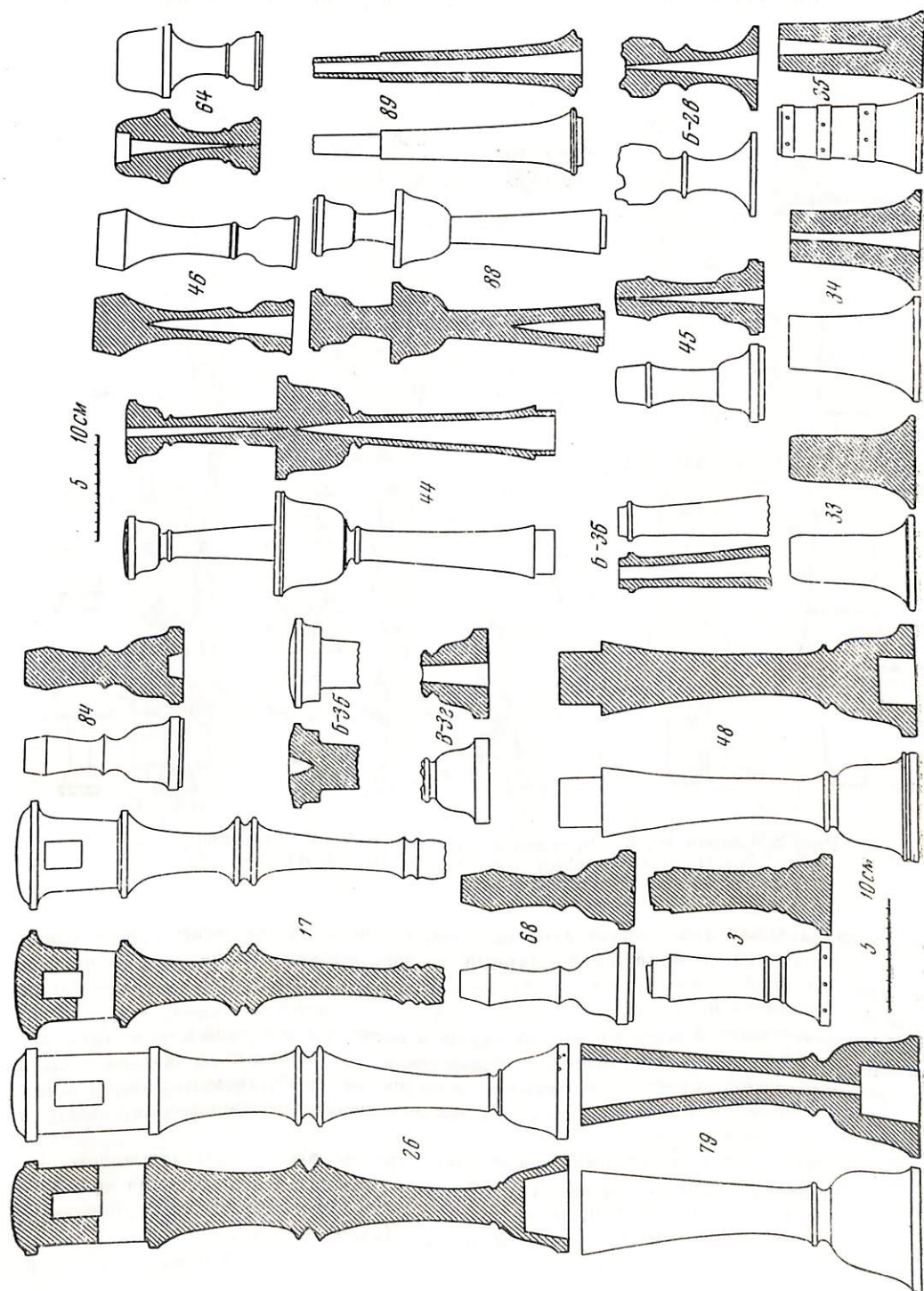
В первую группу (рис. 1, 2, 4) входят детали спинок и ножек мебели, профилировку которых характеризует общее сужение силуэта и контрастное чередование то плавно утоняющихся, то выпуклых объемов: валиков, выкружек, колоколовидных и чашевидных гуськов. Интересна в этой группе деталь под № 85, один из чашевидных выступов которой оформлен венцом чередующихся акантов и остролистом.

Ко второй группе (рис. 3, 5) принадлежат ножки сиденья с сильным профилем и почти цилиндрическим или чуть утоняющимся книзу сечением значительного диаметра (до 13 см). Верхняя часть в уровне закрепления деревянных обвязок-царг гладкая и у передних ножек завершена над карнизом отполированным скруглением, у задних же имеет глубокое вертикальное гнездо для закрепления стоек спинки. Ниже уровня царг ножки моделированы пяти- или семикратным членением горизонтальных каннелюр, создающих глубокую светотеневую игру. Передняя ножка под № 42 из данной группы дошла хотя и с дефектным состоянием поверхности, но почти целиком (утратив лишь основание). На ней ниже яруса каннелюр — львиная лапа с кор-

² М а с с о н, П у г а ч е н к о в а. Парфянские ритоны Нисы. Текст, рис. 11—12, стр. 26 сл.; Альбом — две таблицы. Приводимая в настоящей статье нумерация объектов соответствует условным полевым шифрам, дававшимся в процессе археологических вскрытий и отображенных на упоминаемых таблицах.

³ М. К. М а с с о н, Некоторые новые данные по истории Парфии, ВДИ, 1950, № 3, стр. 47; М а с с о н, П у г а ч е н к о в а, Парфянские ритоны Нисы. Текст, стр. 26—27.

Рис. 1. Старая
Нуса. Фрагмен-
ты деталей ме-
бели из слоно-
вой кости [по-
левые шифры —
3, 17, 26, 33, 34,
35, 44, 45, 46, 48,
68, 79, 84, 88,
89, Б-2в, Б-3б
(2 экз.), Б-3г]

тиями и мощными суставами напружиненных пальцев, оформленная в верхней части парой волют и четырьмя акантами на осях. Волюты — баллюстрообразные сбоку; кривые их изящного очертания, спирали образуют однократный, подчеркнутый тройной профилировкой разворот вокруг глазка. Аканты имеют сильный выступ круто выгнутого, тонко моделированного листа, но, к сожалению, основная часть их расслоена и

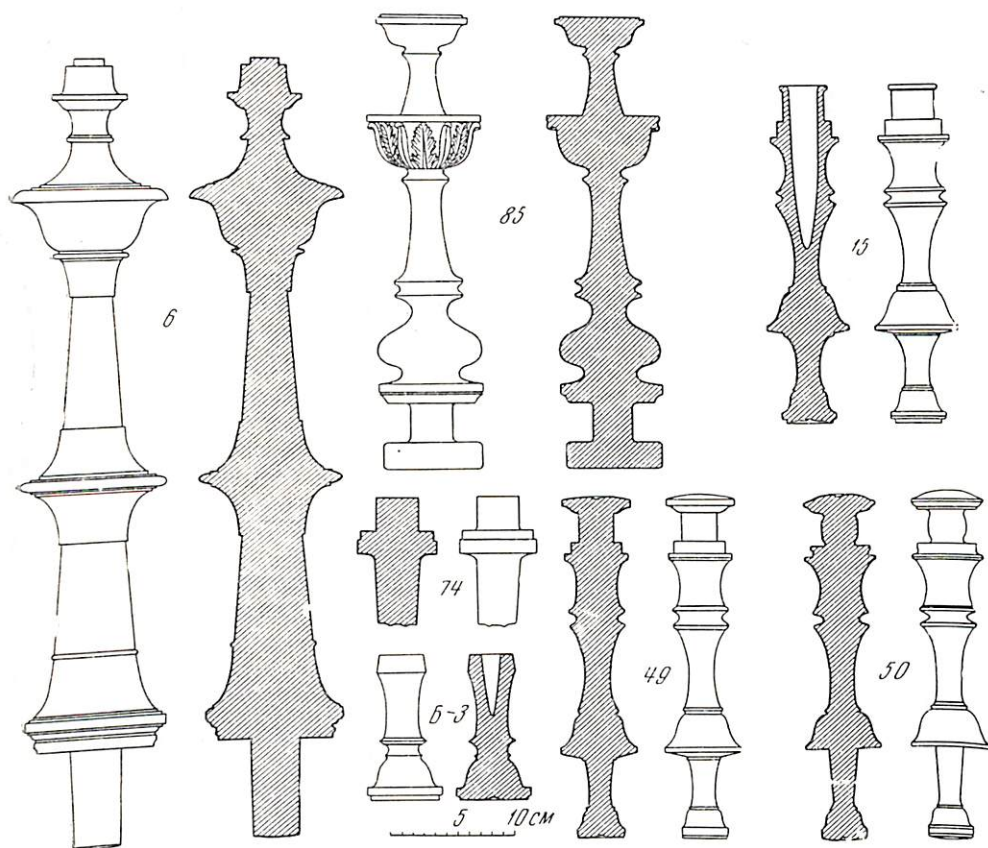

Рис. 2. Старая Ниса. Фрагменты деталей мебели из слоновой кости (полевые шифры — 6, 15, 49, 50, 74, 85, Б-3)

облетела. Львиная лапа покоится на гладком, колоколовидном базисе с переходной к нему полочкой и выкружкой. Парный к описанному, крайне разрушенный в участке львиной лапы объект № 83 восполняет недостающую форму основания ножки.

Характер деталей первой и второй группы не оставляет сомнений в их принадлежности какой-то роскошной мебели, а в общем своем составе они позволяют воссоздать графическую реконструкцию некоторых из этих предметов обстановки. Помимо самих нисийских деталей нами были привлечены при этом некоторые произведения древнего изобразительного искусства.

Представление о внешнем виде парфянских тронов дают монеты Аршакидов. Разумеется, мелкий формат монетных изображений лишил чеканщика возможности воспроизвести все малые детали, но несомненно, что общая форма здесь соответствует реальному типу аршакидских тронов. В чекане Митридата I (171—138 гг. до н. э.) на реверсе встречается изображение Зевса на невысоком сиденье без спинки, с фигур-

ными ножками⁴; эта деталь, как и весь образ главы Олимпа, заимствована из греческого изобразительного репертуара. У последующих аршакидских правителей на большинстве медных монет и на драхмах получает распространение образ Аршака, восседающего на невысоком трапециевидном сиденье⁵ (рис. 6а), но уже начиная с Митридата II (123—88 гг. до н. э.) основатель державы часто представлен на троне

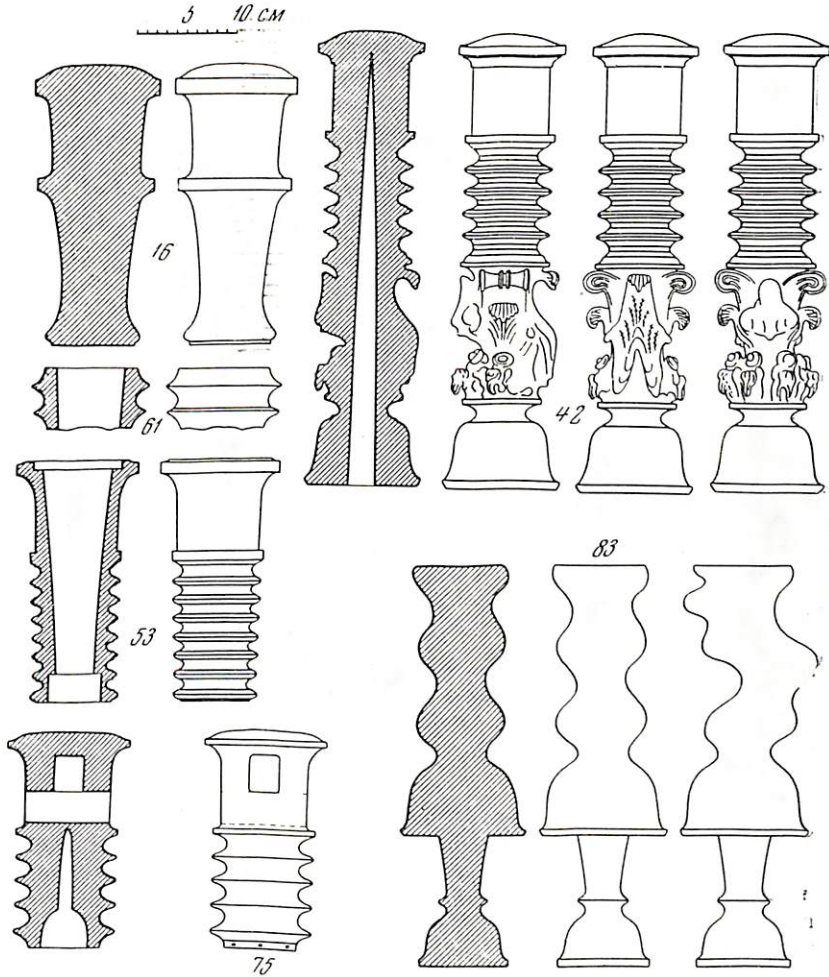

Рис. 3. Старая Ниса. Фрагменты деталей мебели из слоновой кости (полевые шифры — 16, 42, 53, 61, 75, 83)

с фигурной спинкой и точеными ножками⁶ (рис. 6б). Со времени же Фраата III (70—57 гг.)⁷ и вплоть до предпоследних аршакидских правителей Вологазов III, IV, V (II—III вв. н. э.)⁸ на оборотах монет широкое распространение получает образ самого правящего государя на троне (рис. 6 в, г). Тип этих царских тронов един, но профилировка ножек и спинки имеет различные варианты. Трон сравнительно невысок —

⁴ J. de Morgan, *Manuel de numismatique Orientale*, P., 1923—1936, рис. 143, стр. 152 сл.

⁵ Там же, рис. 143, 3, стр. 141 (автор определяет это сиденье, как омфал).

⁶ Там же, рис. 143, 3 bis, стр. 141.

⁷ Там же, рис. 143, 5—9, 12—14, стр. 141 сл.

⁸ Там же, рис. 180—182, стр. 168 сл.

его спинка достигает лишь уровня шеи царя, а высота ножек такова, что согнутые ноги царя (одна из которых слегка выдвинута, а другая опирается на носок) покоятся на полу, а не на подставной скамеечке, как то было в тронном церемониале Ахеменидов.

А между тем при анализе деталей нисийской мебели круг иных предшествующих упомянутым изображениям в монетном чекане Аршакидов аналогий возникает именно в ахеменидском искусстве. Каменные рельефы Персеполя (VI—V вв. до н. э.) содержат несколько изображений царя на троне: в Сокровищнице и Трипилоне это Дарий I,

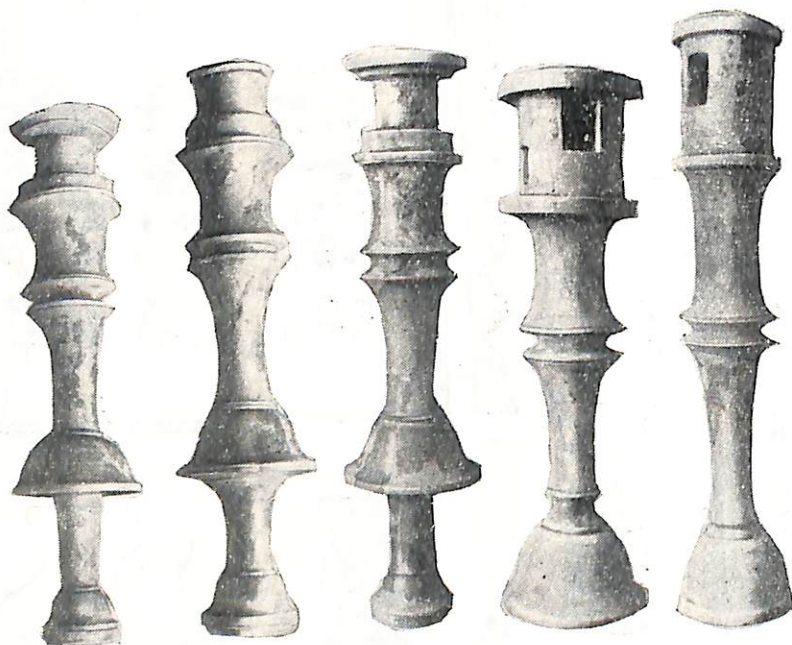

Рис. 4. Детали мебели из Нисы. Слоновая кость (после реставрации)

в Стоколонной Ападане — Артаксеркс I (рис. 7) ⁹. Конструктивный остов этих тронов составляют следующие элементы: сильно профилированные ножки с гладкой цилиндрической верхней частью, серией валиков под нею, львиной лапой, меридионально каннелированным крупным колоколообразным основанием на небольшой подставке; широкая царга в виде досок — между собственно сиденьем и началом львиных лап; фигурно выточенная перемычка у подошвы лап. Само сиденье и спинка трона имеют выпуклую форму, — очевидно, здесь закреплялись плотно набитые подушки.

Нетрудно убедиться, что точеные детали «второй группы» из Нисы (рис. 3, 5) близки именно к ножкам ахеменидских тронов — отличия лишь в некоторых деталях профилировки и украшения. Нет сомнений, что это именно ножки трона. Что касается П-образной обвязки его спинки, то для ее вертикальных элементов более всего подходит по размеру (73 см по высоте) и по профилировке (исходя из сопоставления с парфянскими тронами на монетах Аршакидов) деталь № 6 (рис. 2). Она имела внутренний металлический стержень, на который надеты трубчато-полые, профилированные звенья из слоновой кости, а в двух участках из какого-то красновато-коричневого дерева (изъеденного термитами в труху). Разрушившейся горизонтальной перемычке спинки трона могли принадлежать какие-либо из фрагментов, представленных на

⁹ E. F. Schmidt, *The Treasury of Persepolis*, Chicago, 1939, рис. 14, 16; R. Ghirshman, *Perse. Proto-iraniens. Mèdes. Achéménides*, P., 1963, рис. 246, 248, 255, 256.

Рис. 5. Ножка трона. Слоновая кость

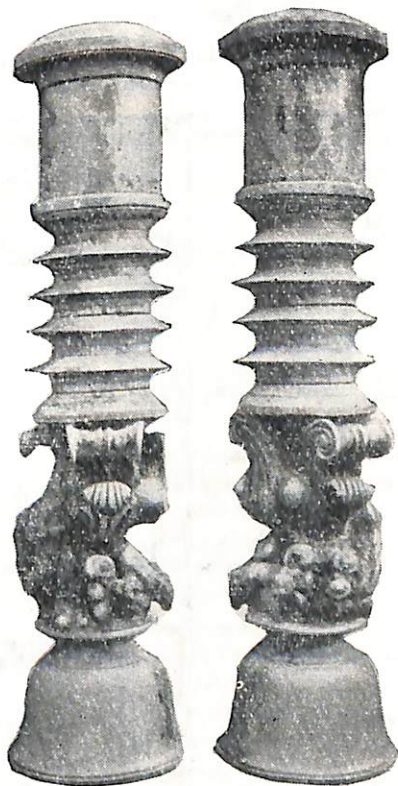

Рис. 5. Ножка трона. Слоновая кость

¹⁴ J. P. Vogel, La sculpture de Mathura, «Ars Asiaticques», XV, 1930, табл. I—II.

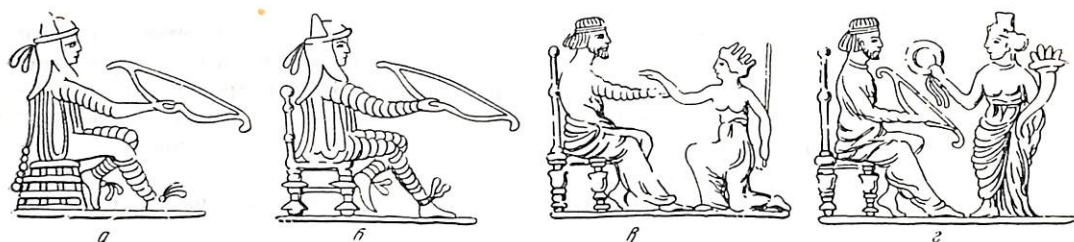

Рис. 6. Изображения тронов на аршакидских монетах (по Ж. де Моргану)

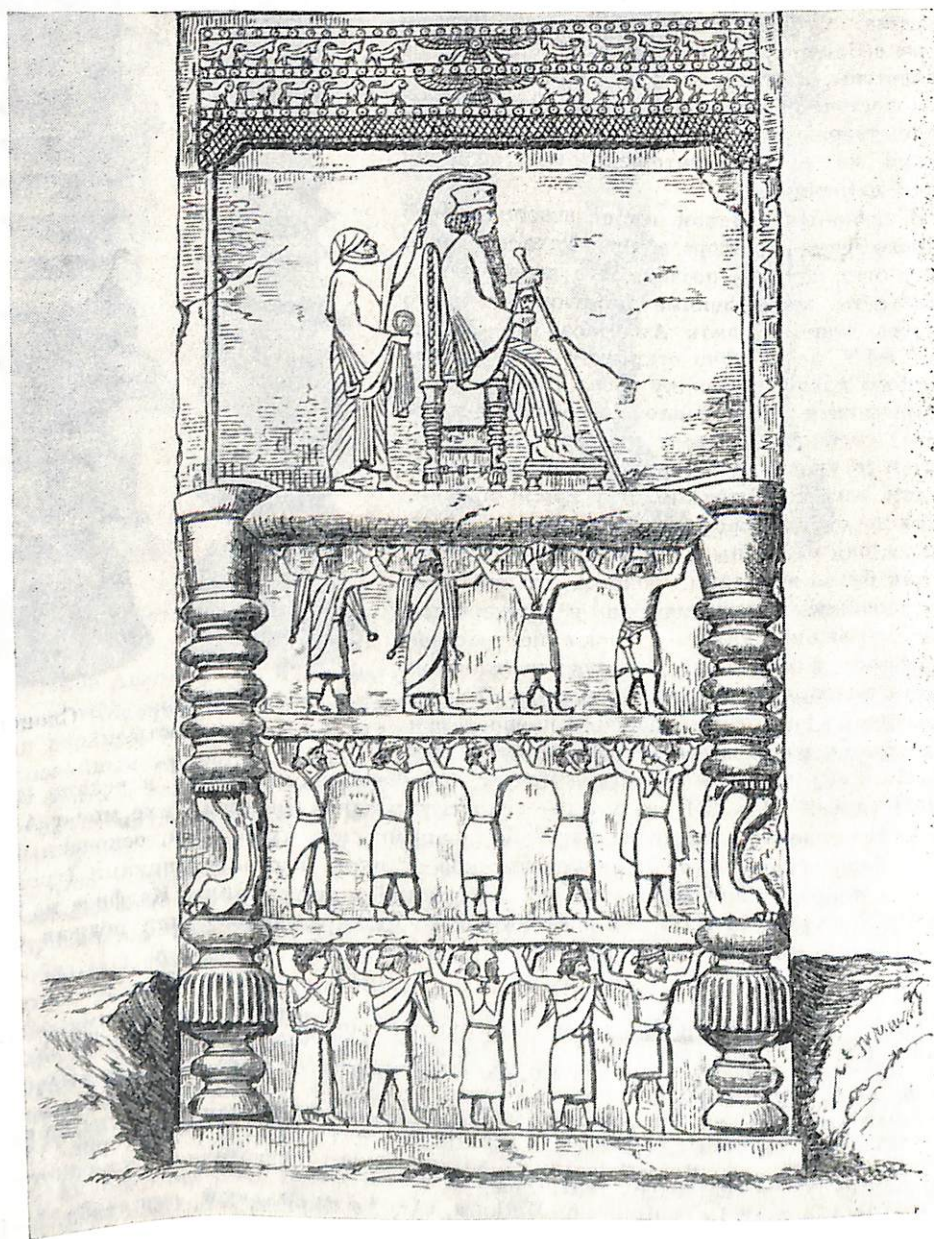

Рис. 7. Артаксеркс I на троне. Рельеф Столового зала в Персеполе

Рис. 8. Трон Митридата I из Нисы.
Реконструкция

Рис. 9. Тахта и скамеечка из Нисы.
Реконструкция

Сравнение показывает, что общий тип греко-бактрийских и особенно кушанских тронов существенно отличен от тронов парфянских.

Облик последних, начиная с Митридата II и вплоть до конца династии, судя по изобразительным памятникам, претерпел на протяжении столетий некоторые изменения, но лишь в плане переработки деталей. На монетах поздних Аршакидов трон имеет фигурные точеные ножки и П-образную, с мелкорельефной разделкой раму спинки¹⁶. В одной из росписей II в. н. э. в Митреуме Дуры-Европос показан трон с точеными ножками (где чередуются колоколовидные и конически утоняющиеся детали) с плоскими царгами и с П-образной обвязкой спинки, которой, однако, придано полуциркулярное завершение¹⁷. К сожалению, плохая сохранность поверхности камня не позволяет разглядеть в деталях трон на рельефе Артабана V из Суз (III в. н. э.)¹⁸.

Часть точеных костяных объектов из Нисы (из первой группы нашей классификации) несколько напоминает ножки тронов на упомянутых выше монетах Аршакидов, равно как и трона Тихе в чекане Аминтаса. Но, видимо, некоторые из них принадлежали иному виду дворцовой мебели — парадному ложу. Мебель этого рода с характерными фигурно-точеными ножками известна в бытовой обстановке греко-римского мира (главным образом по памятникам изобразительного искусства¹⁹, но также и по археологическим находкам²⁰) в виде то кровати, то пиршественного или погребального ложа. Уместно подчеркнуть, что в оформлении особо богатых видов этой мебели использовались слоновая кость и золото²¹. Ложка не менее широко известна и на эллинизированном Востоке (например, в скульптуре Пальмиры²²). Типотот греко-римских кроватей и лож они не имеют ни спинки, ни подлокотников — особый род тахты, на которой возлежали, облокотившись на грудусложенных стопкой плоских подушек.

¹⁶ de Morgan, ук. соч., рис. 143, 14; 180 и др.

¹⁷ Th. Bossert, *Altsyrien*, Tübingen, 1951, рис. 410.

¹⁸ R. Ghirshman, *Iran. Parthes et Sassanides*, P., 1962, рис. 70.

¹⁹ Например, L. Weisser, *Bilder-Atlas zur Welt-Geschichte*, Stuttgart, 1885, табл. 55, 72.

²⁰ D'Arémberg-Sagliot, III, рис. 4397; *AJA*, 56, 1952, табл. 12.

²¹ D'Arémberg-Sagliot, III, стр. 1022.

²² E. Will, *Le relief de la tour de Kithot et le banquet funéraire à Palmyre*, «Syria», XXVIII (1951); H. Seyrig, *Le repas des morts et le «banquet funèbre» à Palmyre*, «Les Annales archéologiques de Syrie», I, No 1, Damas, 1951.

Тахта на Востоке — это не только парадная бытовая мебель. В парфянском придворном церемониале ложе-тахта играло нередко не менее важную роль, чем трон. Но если трон употреблялся в обстановке торжественно-официальных приемов, то тахта также и на царских пирах, участники которых среди обильных возлияний не только предавались забавам, но нередко и решали государственные дела.

Куски бронзовых со следами позолоты ножек, близких по форме к нисийским, были обнаружены А. Стейном при раскопках разграбленного парфянского погребения II в. до н. э. в Шапи²³. Здесь оказались остатки разнообразного инвентаря — оружие, украшения, лампа, бронзовые и мраморные статуи, ножки же, по-видимому, принадлежали парадной тахте, со временем использованной как погребальное ложе.

Вместе с тем позднепарфянский скальный рельеф в Танги-Сарваке передает сцену инвеституры, в которой парфянский государь возлежит возле алтаря на тахте, с символом царской власти — венцом — в руке, в окружении приближенных²⁴.

Нисийские детали № 26, 48 (принадлежавшие ножкам ложа в парфянской среде) позволяют представить в графической реконструкции вид царской тахты, некогда сберегавшейся в аршакидских хранилищах Митридатокерта (рис. 9). Мы полагаем, что ей сопутствовал еще один предмет — небольшая ножная скамеечка (см. тот же рис. 9), которой могли принадлежать тонкие, изящно профилированные детали № 49, 50 (рис. 2). Не исключено также, что часть иных дошедших до нас точеных фрагментов принадлежит деталям невысоких столиков для установки на них пиришественных или ритуальных сосудов — в частности тех великолепных ритонов, в едином комплексе с которыми эти детали обнаружены.

Какова же датировка изысканно обработанной мебели из Нисы? Помимо общих археологических данных, согласно которым основное заполнение Квадратного дома богатым инвентарем падает на II—I вв. до н. э., некоторые соображения подсказывает самый стиль сохранившихся деталей. Венец акантов и остролистов в оформлении фрагмента № 85 почти идентичен этому мотиву и технике его выполнения на ритонах Нисы (II в. до н. э.)²⁵. Ножки нисийского трона сходны с ножками тронов ахеменидских, но на них появляются волюты и аканты, в то время как нижний колоколообразный элемент утрачивает типичное для ахеменидской архитектуры рифление. По форме своей трон из Нисы, как было выше показано, занимает как бы промежуточное положение между тронами, изображенными на ахеменидских ортостатах (VI—V вв. до н. э.) и на аршакидских монетах начиная с чекана Митридата II, которому он, таким образом, предшествует.

Поскольку сама царская крепость парфянской Нисы Митридатокерт носила имя Митридата I (171—138 гг. до н. э.)²⁶, все, связанное с этим могущественным и победоносным аршакидским государем, очевидно, пользовалось здесь особым почитанием. Есть все основания полагать, что именно Митридату I принадлежал нисийский трон, да, вероятно, и иные описанные выше предметы царской мебели, сохранившиеся на протяжении почти четырех веков — пока существовал Квадратный дом — в качестве прототипов реликвий. Митридат I был крупным завоевателем, неизмеримо расширившим границы Парфянского царства. Уместно спросить, не в ознаменование ли захвата им в середине II в. до н. э. Ирана, Месопотамии, Сирии и объединения под властью Аршакидов большей части бывших ахеменидских владений был изготовлен трон, в котором формы ахеменидского престола были в соответствии с новыми вкусами модернизированы на эллинизированный лад?

Трон всегда имел на восточной почве, помимо своей практической функции, глубокое символическое значение. Восшествие на престол сопровождалось парадным

²³ A. Stein, *Old Routes of Western Iran*, L., 1940, стр. 141 сл., табл. VI.

²⁴ Ghirshman, *Iran. Parthes et Sassanides*, рис. 67, стр. 54—55.

²⁵ Массон, Пугаченкова, *Парфянские ритоны Нисы*. Альбом, табл. V, XXXIII, XLVIII, CXVIII; Текст, стр. 64.

²⁶ И. М. Дьяконов и В. А. Лившиц, *Документы из Нисы I в. до н. э.*, М., 1960, стр. 22—23.

церемониалом. Трон — знак верховной власти, которому как бы сопутствует божественное благоволение. Священные тексты древней Индии определяют царский трон как коррелят божественного престола, и обряд коронования царя сопровождался здесь торжественным перенесением трона во дворец²⁷. О том, какое высокое значение придавалось этому предмету обстановки в парфянской среде, свидетельствуют монеты Аршакидов, где передко богиня-покровительница городов (иногда коленопреклоненная!) вручает венец — знак власти — восседающему на троне государю²⁸. Все это объясняет долговременное сохранение трона Митридата I в качестве чтимой реликвии в аршакидском заповеднике парфянской Нисы — уже в ту пору, когда целая линия его восприемников восседала на собственных, специально для них изготовленных тронах.

В стилистическом же отношении нисийская мебель — это явление того же художественного плана, что и ритоны Нисы. Подобно тому как на этих восточных в своей основе рогообразных сосудах ахеменидский львогрифон сочетается с образами двенадцати олимпийских божеств и глубоко эмоциональными (в духе патетической скульптуры Пергама и Делоса) скульптурными головками, так и на объектах царской мебели из Квадратного дома остаточные элементы древневосточной художественной культуры и черты эллинизированного искусства Востока послемакедонских времен предстают в неразрывном единстве, отвечая общему духу раннепарфянского искусства.

Г. А. Пугаченкова

A THRONE OF MITHRIDATES I FROM PARTHIAN NISA

by G. A. Pugachenkova

During excavations of the royal storehouse, the so-called Square House on the site of Old Nisa, a dynastic reservation of the Arsacids which bore the name Mithridatokert, a heap of broken carved ivory objects was discovered. Among the objects, besides magnificent ritual rhytons, were chiselled and elaborately moulded parts of furniture. Analysis of the composition of these parts, and comparison of them with certain examples of Parthian art, made possible the graphic reconstruction of a throne, a low couch and footstool. Stylistically, the Nisa throne combines Achaemenid (feet in the form of ornamental lion's paws) and Hellenistic (volutes, acanthi) elements, but as a whole the throne has no counterpart in world art. Since the Nisa reservation bore the name of the mighty Mithridates I (171—138 B. C.), everything in it associated with this Arsacid monarch must have been held in special reverence, and therefore there are grounds for supposing that this throne and other pieces of royal furniture belonged to him and were preserved in Mithridatokert as honoured relics.

²⁷ J. A u b o y e r, *Le trône et son symbolism dans l'Inde ancienne*, P., 1949, стр. 175 сл.

²⁸ de M o r g a n, *ук. соч.*, рис. 142, 143.